

Русская Прага

*(Щедровицкий П.Г. Русская Прага // Интервью [Электронный ресурс]:
Русский журнал 24.04.2013. URL: <http://www.russ.ru/pole/Russkaya-Praga>)*

16-17 мая в Праге пройдет презентация российской книжной серии «Философия России первой половины XX века». Идеологи проекта Чехию выбрали неслучайно: ее роль в поддержке и сохранении русской культуры после октября 1917-го сегодня незаслуженно забыта, считают они.

«У наших стран, в прямом смысле слова, общее прошлое, так как русская культура начала XX века стала их культурой на долгие годы — Чехословакия в 20-е приняла и поддержала больше 25 тысяч русских эмигрантов», - говорит один из организаторов проекта, заместитель директора Института философии РАН по развитию Пётр Щедровицкий.

Среди этих 25 тысяч были как бежавшие сразу после октябрьского переворота, так и те, кто уходил позже: с немцами, французами, генералами Белой Армии. В 1922-м русскую общину в Праге пополнили некоторые пассажиры печально известного «философского парохода» — высланные Советами ученые, врачи, юристы, писатели и философы. О судьбе этих людей и их жизни в Праге — в интервью с Петром Щедровицким.

«Историческое сочетание обстоятельств»

— Пётр Георгиевич, мой первый вопрос о том, чем после Первой мировой войны и переворота в России Чехия оказалась привлекательной для русских эмигрантов. Ведь это было совсем

молодое, только что образовавшееся государство, а русская интеллигенция выбрала его. Почему не Польшу, например, или другие славянские страны?

Предыстория этого вопроса связана с фигурой первого президента независимой Чехословакии Томаша Масарика. Всем известно, что он интересовался Россией и русской культурой: был связан дружескими отношениями с довольно широким кругом русских философов своего поколения – родившихся во второй половине XIX века. Меньшему числу людей известно, что Масарик написал работу об истории русской философии и собирался издать ее в России, но цензура не пропустила. Он бывал в России и имел в связи с русской революцией определенные ценностные ожидания.

Сам Томаш Масарик представлял собой, на мой взгляд, очень интересный образ просвещенного, демократически ориентированного правителя. И многие русские связывали с его фигурой некие ожидания более просвещенного правления. Надо отметить, что многовековая мечта русских о просвещенном правителе — это отдельная тема для большого философского исследования или для романа. И Масарик, безусловно, олицетворял собой вот этот удивительный феномен: человек, который получил власть благодаря своему авторитету, эрудиции, культуре и просвещенности, а не силовым путем.

Не нужно также забывать, что в начале XX века Чехия была одной из самых богатых стран Европы. И начав принимать русских эмигрантов, она истратила на их поддержку и выплату стипендий больше всех европейских стран вместе взятых. Исследователи приводят цифру в полмиллиарда крон. И многие жили именно на эти деньги, так как у них

не было никак источников существования: когда они бежали из России, они потеряли всё.

— Да, была учреждена «Русская акция».

Совершенно верно. В конце 1921 года, благодаря Масарику и некоторым людям из его окружения, Чехословакия фактически учредила «Русскую акцию» и стала целенаправленно приглашать к себе людей из тех мест, в которые они попали в момент революционного взрыва. Кто-то попал в Константинополь, кто-то в Берлин, кто-то эмигрировал через Финляндию или Прибалтику. Люди бежали, как могли. Очень часто ехали отдельно от семей и потом искали их. Хорошо известно, что Марина Цветаева со своим мужем Сергеем Эфроном, офицером Добровольческой армии, встретила в 1922-м году: он бежал одним способом, она была уже в Праге, потом они объединились и в 1925-м уехали в Париж.

Когда чехи объявили о «Русской акции», приехало очень много русских людей. Более 25 тысяч человек жило в независимой республике Чехословакия в лучший период - между 1922-м и 1928-29-ми годами. Фактически, это было десятилетие «ренессанса» русской культуры начала XX века, который стал возможен благодаря политике Томаша Масарика.

— А что получала при этом сама Чехословакия?

Безусловно, страна имела и прагматический интерес. Масарика волновало сохранение русской культуры, потому что он ее очень высоко ценил. А поддержка русской интеллигенции рассматривалась в том числе как способ использовать ее знания и возможности при

строительстве первой республики, так как своих кадров не хватало. И эти люди, естественно, посильно участвовали в образовательной, просветительской, научной и производственной деятельности.

— Я знаю, что Прагу называли Русским Оксфордом...

По-разному называли: Русскими Афинами, Русским Оксфордом. Как центр образования и науки и в качестве противопоставления другим центрам русской эмиграции. Если помните, Париж имел определение «столица эмиграции», Харбин — «Россия за границей», а Берлин назывался «мачехой русских городов». В Берлине, например, людей было не меньше. Более того, там существовал Русский институт, который финансировался МИДом Германии до прихода фашистов. Но атмосфера была абсолютно другой. Прага же — уникальный город! Он прекрасно спроектирован, очень удобен для жизни, и люди, приехавшие туда, прикипали душой. В своих письмах из Парижа Цветаева пишет, как ей хочется вернуться в Прагу...

— Упомянутый Вами «ренессанс» русской культуры в Праге, на Ваш взгляд, благодаря чему, помимо роли Масарика, стал возможен?

Думаю, благодаря сочетанию обстоятельств: определенная доля прагматизма новой власти, возможность использовать потенциал русского культурного сообщества и высокая концентрация этих интеллектуалов. Концентрация интеллектуального потенциала в одной точке очень важна, она всегда дает дополнительный синергетический эффект. Одаренные, образованные люди удачно дополняют друг друга. Задумайтесь, за несколько лет они создали массу организаций и институций. Принимали активное участие не только в текущей жизни,

но и заново создавали некоторые вещи: и в театре, и в археологии, в науке, в философии.

И еще очень важный момент: более 3 тысяч человек получили гражданство, то есть, фактически, твердую почву под ногами. Некоторые, правда, жили за счет нансеновских паспортов, просто подтверждавших личность, но, в общем, права этих людей никем не ущемлялись, что тоже важно для самореализации.

— Какие имена русских интеллектуалов, прошедших через Прагу, Вы можете привести?

Вот, пожалуйста, небольшой перечень: Павел Новгородцев, Михаил Новиков, Сергей Булгаков, Александр Кизеветтер, Никадим Кондаков — крупный археолог и историк искусства, Сергей Прокопович, Пётр Струве, Дмитрий Чижевский, Георгий Вернадский, Георгий Флоровский, Роман Якобсон — ученик Густава Шпета. Якобсон, кстати, создал в Праге в 1926-м году Пражский лингвистический кружок, который, безусловно, входит в топ-уровень исследовательских центров мирового уровня. Этот кружок потом оказал огромное влияние на всю европейскую семиотику.

Кроме того, были Пражская группа МХАТ и целый ряд представителей русского искусства. Уже упомянутая Марина Цветаева жила в Праге в 1922-25гг. Уехав в Париж, Цветаева потеряла не только стипендию, но и атмосферу славянского города. Она многократно возвращалась к тому, что возможностей для заработка и общения в Париже было больше, но, конечно, такой открытости и такого радушия в принятии эмигрантских кругов там никогда не было.

«Сегодняшняя Россия этого не знает»

— «Ренессанс» русской культуры на чешской почве в 20-е годы стал возможен благодаря сочетанию целого ряда обстоятельств. Вы упомянули: определенную долю прагматизма новой власти и возможность использовать потенциал русского культурного сообщества и высокую концентрацию интеллектуалов в одном месте. Это интеллектуальное сообщество, безусловно, оказало влияние на жизнь первой республики. А как, на Ваш взгляд, Прага и Чехословакия, в свою очередь, влияли на так называемую «белую эмиграцию»? Помогали ей развиваться? Возмещали потерянное имущество?

Вы знаете, все-таки для людей культуры, науки, искусства самым главным является среда и возможность в ней восстановить какие-то элементы того стиля, круга общения, который был у них дома. И эта возможность, конечно же, очень привлекала. Мы говорили с Вами о том, что уровень концентрации интеллектуального потенциала в Праге в тот период был самым высоким в Европе. Это была возможность жить и развиваться.

Известно, и недавно мы об этом писали, что Масарик пытался спасти русского религиозного философа отца Павла Флоренского: выхлопотал для него разрешение на освобождение из ГУЛАГа и выезд с семьей в Чехословакию, но Флоренский отказался. На уровне первых лиц страны чешская элита хлопотала о поддержке и спасении русских интеллектуалов и культуры.

— Чем был вызван отказ Флоренского? Это ведь самый яркий случай, когда человек отказался выйти из ГУЛАГа? И позже он был расстрелян.

Это едва ли не единственный случай отказа выйти из сталинского лагеря. Почему? Флоренский был верующим человеком, это был его моральный выбор.

— И с чем был связан такой интерес чехов к русской интеллигенции?

Я думаю, во-первых, он был заслуженным. Дело в том, что в начале XX века в России шел чрезвычайно бурный интеллектуальный процесс и, может быть, один из самых передовых. Это были люди первой величины в своих областях. Они, безусловно, были лучшими или одними из лучших. А второй момент: Масарик, безусловно, думал стратегически о европейском объединении, об интегрированной Европе. Он нес в себе сочетание либеральных ценностей и ценностей демократического развития. Страна бурно развивалась в этот период. Он понимал дефицит культурных интеллектуальных кадров и осознавал их ценность.

— В таком случае почему закончилась «Русская акция»?

Объективные трудности наступили, когда усилился экономический кризис в конце 20-х — начале 30-х годов. А дальше поменялся лидер, Чехословакия попала под давление: с одной стороны, Германии, а с другой — России. Плюс местные коммунисты стали давить изнутри. Ситуация в Европе в этот момент с каждым месяцем становилась все более накаленной. Политическое руководство было вынуждено постоянно лавировать между двух зол. В этот период уехали многие — самые предусмотрительные, конечно.

Когда Чехия была захвачена Германией, фашисты стали, хоть и не тотально, но преследовать деятелей эмиграции: тех, которые вошли в Сопротивление. А в 1945-м пришло НКВД, которое «зачистило» все окончательно: кто-то погиб, а кто-то был отправлен в Россию и погиб там. Тот же генерал Сергей Войцеховский, один из руководителей Белого движения, а с 1921-го года – генерал армии Чехословакии, которого Вацлав Гавел назвал национальным героем, умер в Особом лагере ГУЛАГа в Иркутской области. Еще один пример. И это было характерно для всей Европы, которая попала под Советскую Россию: то же самое происходило в Риге, в Вильнюсе, в Польше...

— Эти люди, русские интеллектуалы, живя в Праге в 20-е годы, думали о возвращении?

Конечно, в начале 20-х годов еще была надежда, что большевистский режим — это ненадолго. Но к концу 20-х стало понятно, что никакого возвращения не будет. Кстати, в Праге была опубликована первая книга о советских концлагерях — «Россия в концлагере» Ивана Солоневича: в 36-м году она вышла впервые на чешском языке. Это была первая информация от свидетеля, покинувшего сталинский СССР. Случайная история; считается, что Солоневичу удалось сбежать, хотя это кажется маловероятным.

— Ему не поверили?

Я думаю, не поверили. Представить себе, что несколько миллионов человек — почти что все население тогдашней Чехии — сидит в

концлагерях или занято «рабским трудом» на стройках коммунизма, европейский житель не мог.

Но в целом, к этому моменту уже надо было признаться себе, что они уехали навсегда. Многие не могли этого признать до последнего: Иван Ильин в 50-е годы еще продолжает писать кому-то в России, кто после большевизма должен будет решать вопросы восстановления страны. Ведь у профессионала единственный способ выжить — думать, писать, надеяться на то, что это прочтут, что мышление может воспроизводиться и транслироваться. Это, может быть, миф, но он позволяет жить.

— Как эти философы и другие деятели культуры воспринимаются сейчас в России? Их знают?

Если отвечать на Ваш вопрос однозначно, то сегодняшняя Россия всего этого не знает. Сейчас много сокрушаются об «утечке мозгов». Но уж когда и была «утечка», так это после 1917-го — сознательная высылка огромного числа людей. Причем ладно бы только философов, их еще можно подозревать в том, что они претендуют на какое-то идеологическое влияние и власть. Высылали же ученых - людей, которые просто хотели заниматься своим делом.

Есть такая хорошая русская пословица: «Слышал звон, да не знает, где он». Она отражает ситуацию: кто-то слышал какие-то отдельные имена благодаря тому, что после 1986-го года появилась возможность вспоминать этих людей, были напечатаны отдельные работы. А отсюда наш проект. Мы поставили перед собой задачу, если говорить метафорично, «Вернуть России имена». Вернуть России русских философов, которые работали в первой половине XX века. Ну, и во второй тоже, потому что многие не знают даже тех, кто работал в

Советском Союзе. Мы стараемся сделать это без акцента на какой-то одной школе, давая экспозицию широкого круга совершенно разных философских идей и доктрин. У нас будут: русские марксисты, религиозная философия, научная философия, философия права и философия психологии... Мы ставим перед собой задачу максимально широко восстановить историческую память.

Это не издание работ тех или иных философов, это книги о них, то есть каждый том — своеобразная «калитка» в творчество того или иного мыслителя. Аналогичного проекта в мире я не знаю. После Второй мировой войны в Японии делали нечто подобное, но там восстанавливали разные имена: философов, политических деятелей, художников. Кстати, проект пользовался огромным успехом. Мы же сосредоточились на философах, и наша серия уже получает достойные отзывы.

<https://shchedrovitskiy.com/russkaya-praga/>